

УДК 32.019.51

От локальной истории и мест памяти к концепции «большой истории»: российский опыт

Медушевский Николай Андреевич

Доктор политических наук,
доцент кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Аннотация

Для России, как и для любой многонациональной современной страны, остро стоит вопрос межэтнического примирения и развития диалога между различными этническими группами. В статье констатируется, что на протяжении всей постсоветской истории страны формировался вызов межкультурного диалога, преодолеть который оказалось возможно только на государственном уровне и только в долгосрочной перспективе. В связи с этим автор обращается к рассмотрению тех мер, которые предприняло российское государство, формируя новый фундамент национальной историко-образовательной политики, которая, свою очередь, неразрывно связана с трансформацией национальной политики памяти. Во-первых, указывается на то, что Россия, как и любое политически консолидированное суверенное государство, претендует на создание единой исторической концепции, но не может ее обеспечить в силу исторического многообразия культур. Второй тезис связан с прошлым российской исторической политики, которая во многом характеризовалась хроническими проблемами, которые имеют значение и по сей день. Третий вопрос лежит несколько в стороне от основного анализа. Он связан с европейским опытом исторической политики, и здесь проводится параллель между проблемами многосоставной России и многосоставного Европейского союза. Последний вопрос связан с будущим российской исторической политики и теми решениями, которые были приняты в последние годы и определили вектор ее дальнейшего развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А. От локальной истории и мест памяти к концепции «большой истории»: российский опыт // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 2А. С. 15-26.

Ключевые слова

Историческая память, политика памяти, обучение истории, учебник истории, единый исторический стандарт.

Введение

Историческая память – это символ коллективной идентичности. Она становится таковой исключительно ввиду своей символической значимости для членов одной конкретной социальной, этнической, национальной либо иной группы. Историческая память становится тем символом или атрибутом, который провоцирует у членов группы чувство общности и стимулирует процесс групповой консолидации.

Несмотря на интегрирующую функцию для конкретной группы, составляющие исторической памяти, например места памяти, часто становятся фактором разобщения на межгрупповом уровне, что может быть обусловлено одновременно двумя причинами. В соответствии с первой из них, место, памятное для одной группы как позитивный символ, становится негативным символом для другой группы, которая стремится забыть о конкретных событиях, связанных с ним. Вторая возможная причина – значимость того или иного места памяти одновременно для нескольких групп, каждая из которых стремится закрепить данное место памяти за собой. Данная конкуренция может находить свое выражение в трансформации и даже разрушении мест памяти в пользу отдельной точки зрения, что в целом можно назвать *символическим истреблением*. Символическое истребление можно трактовать как крайнее проявление нетерпимости в символической политике, которого необходимо избегать для сохранения или достижения определенного баланса исторических воспоминаний разных конкурирующих групп. Особенно данный баланс исторических воспоминаний становится актуальным, когда речь заходит о внутренней политике многосоставного государства, внутри которого сосуществуют разные этнонациональные группы. Такое государство не только должно поддерживать баланс на уровне доступа к местам памяти, но и реализовывать решения по популяризации информации, развитию образовательных и просветительских программ, каждая из которых будет данный баланс поддерживать и развивать.

Здесь можно говорить одновременно о двух требованиях к политической системе. *Первое* можно назвать минимальным. Оно звучит так: «не допускать провокаций». Это очень важно, так как часто именно политика высшего уровня становится катализатором конфликта в многосоставных обществах из-за того, что власть начинает поддерживать одни группы в противовес другим, надеясь на подавление последних. *Второе* требование – это своеобразная «программа максимум». Данное требование сводится к тому, чтобы политики реализовывали деятельность по примирению групп, которые стали бы воспринимать права друг друга на историческое мировоззрение как идентичные, и здесь речь идет о воспитательной, образовательной, просветительской и иных типах государственной политики. Обозначенные требования, а точнее процесс их реализации, неизбежно порождают дискуссию как в политических кругах, так и на уровне эпистемологического сообщества по поводу того, как политика памяти в ее исторической интерпретации может быть эффективно реализована в Российской Федерации.

Дискуссия о конфликтах памяти

Дискуссия по данной проблематике фактически сводится к совокупности доказательных оценок того, как конфликты воспоминаний, существующие в российской истории в большом количестве, способны повлиять на развертывание новой политики памяти и сделать ее фактором, объединяющим, а не разделяющим российское общество. Этот вопрос действительно

дискуссионен, так как ответ на него лежит в русле экспериментальных технологий формирования исторической памяти разных групп граждан, и здесь, несомненно, важен как зарубежный опыт, так и развитие инновационных практик и локальных решений. Рассматривая аспект дискуссионности поставленной проблемы, следует остановиться сразу на кластере вопросов, ответы на которые способны отразить нюансы данной многоаспектной темы.

Вопрос 1. Почему для России важна, но невозможна универсальная национальная история?

Россия – это многонациональное и федеративное государство, существование и развитие которого сопряжено с постоянным диалогом между этническими, конфессиональными, культурными и социальными группами, число которых многократно превосходит количество формальных регионов. Так, на 85 субъектов РФ в 2018 г. приходилось более 190 национальных и этнических групп [Численность..., www; Щербакова..., www]. Многие из обозначенного количества народов являются малочисленными, что тем не менее не означает возможности их дискриминации с точки зрения международного права, Конституции РФ и регионального законодательства.

Запрет дискриминации меньшинств и понимание на уровне руководства страны и регионов РФ ее пагубного влияния на общий «межэтнический климат» создают необходимость создания официального взгляда на историю, язык, религию и культуру, который также не несет в себе дискриминации. В таких условиях потенциальной разобщенности общества, которая болезненно обозначилась в 1990-х гг., в середине-конце 2000-х гг. и позже возобладала тема единства школьного образовательного процесса, но с учетом многообразия и региональной специфики.

Очевидно, что данный процесс не завершен и сегодня, однако в аспекте политики памяти следует отметить комплекс значимых результатов. Речь, к примеру, идет о едином учебнике истории России и тех пояснениях, которые сопровождали его разработку. Инициатива данного учебника была предложена президентом РФ Владимиром Путиным, который заявил, что учебник должен быть свободен от двойных толкований [Президент..., www]. Проект был поддержан Российским историческим обществом, а в число авторов-разработчиков вошли многие ведущие российские историки и историографы.

Тем не менее, по мере разработки учебника, все острее стала проступать проблема многообразия российского общества, которая в том числе оказалась сопряжена с наличием большого количества нерешенных исторических проблем, которые, вопреки мнению президента? не имеют и не могут иметь единого толкования. Более того, попытка приобщения разных этнокультурных групп к единому «универсальному» формату неизбежно привела бы к эскалации многих спящих конфликтов. В таких условиях уже через два года после начала работы (в 2015 г.) возникла идея о спецификации учебника, а затем и идея о создании многих учебников, написанных на базе Единого историко-культурного стандарта, общего рекомендательного «исторически корректного» документа, в котором в том числе были бы даны комментарии по сложным вопросам российской истории с точки зрения их возможного представления учащимся. Показательно, что в данном стандарте нет табуированных тем, что говорит об открытости и потенциальном компромиссе государственной политики, создавая пространство для политического маневра в образовательной системе.

Характеризуя суть концепта единой российской истории в ее школьной трактовке, следует отметить ориентацию на подход, обозначенный президентом РФ, в соответствии с которым «судьба России создавалась единением разных народов, традиций и культур» [Каким быть..., www].

Стоит отметить, что даже в ограниченном формате Единого исторического культурного стандарта концепция общего подхода столкнулась с критикой части либерального гражданского общества, что в условиях открытой политической и общественной дискуссии было неизбежно. Наряду с отдельными фактическими ошибками, которые были обнаружены, речь также шла и о своеобразной государственной цензуре свободного взгляда на историю как со стороны преподавателей, так и со стороны учеников [«Публичное вранье...», www].

Даже если встать на позицию критиков новой концепции исторического образования, отражающей в своем ключе политику памяти, следует отметить, что, во-первых, очевидно сохранение традиции «государственного курса в истории», которая была в Российской империи, и в Советском Союзе, во-вторых, в сравнении с предыдущими этапами, речь идет о гораздо большем прогрессе в вопросах освобождения исторического знания, так как ни в имперский, ни в советский период критический подход в рамках исторического образования не был уместен. Особняком, безусловно, стоит период 1990-2000 гг., когда данная сфера фактически не контролировалась государством, однако, на наш взгляд, отсутствие политики в сфере исторического образования нельзя назвать либеральной и свободной (в позитивном смысле) политикой, как следствие, данный период скорее предстает периодом смуты в рамках преемственности концепций исторической памяти в России.

Вопрос 2. Какие уроки несет исторический опыт национальной исторической политики?

Вопрос преемственности исторической политики от Российской империи через СССР к новой России является не менее важной темой. Очевидно, что уже с XVIII-XIX вв. Россия начинает проводить собственную историческую политику, которая связана с познанием истории (например, работы М. Ломоносова и Н. Карамзина¹) и с преподаванием истории, причем в соответствии с государственными установками, которые менялись в зависимости от повестки международной политики и правления конкретного императора. Обучение истории проводилось преимущественно в вузах и лицеях и было связано с желанием преподавателя затрагивать те или иные вопросы. К примеру, профессор Н.И. Кареев считал, что история в стране преподается плохо, виной чему плохая подготовленность преподавателей и недостаток в хороших учебниках [Кареев, 1917, 101-104]. Методические вопросы школьного обучения в своих работах затрагивал и А.Д. Надеждин².

Несмотря на отставание методических материалов, политическая составляющая в историческом образовании всегда присутствовала. Речь, например, идет о циркуляре Министерства народного просвещения от 13 июля 1913 г., где указывалось, что «...школа учит и воспитывает будущих русских граждан... для добросовестного и верного служения великому Отечеству» [Там же, 97]. В свою очередь, Я. Кулжинский подчеркивал, что «история должна служить национальным интересам, как предмет нравственный» [Цит. по: Сингалевич, 1913, 37].

В данных высказываниях, пожалуй, принципиальными категориями являются термин «русские граждане» и термин «национальные интересы» в его достаточно узкой трактовке. Как и в других обществах XIX в., в России речь шла об этнической дискриминации [Миронов, 2017], которая распространялась на многие народы, населявшие империю. Русские выступали

---

¹ См., например: Коджаспирова Г.М. История образования и педагогической мысли: таблицы, схемы, опорные конспекты. М., 2003. С. 100; Формозов А.А. К спорам о Ломоносове-историке // Классики русской литературы и историческая наука. М.: Гриф и К, 2012. С. 25-49.

² См., например: Надеждин А.Д. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954. 304 с.

государствообразующей нацией, что в определенном смысле соответствовало духу времени и создавало именно политический эффект империи, аналогичный по сути Британской или Австро-Венгерской империям.

В XX в. в вопросах обучения истории и в вопросах государственной политики речь заходит о преодолении моноэтничности в пользу новых идеологических моделей, в числе которых выделяется принцип классовой борьбы, ориентирующий общество на изучение истории эксплуатации в различных формациях. Данная проблема эффективно решалась Институтом марксизма-ленинизма на протяжении десятилетий существования СССР в русле «правильной» идеологической трактовки [«Не освещен...», www].

В конечном итоге критический анализ методов исторического образования прошлого, проводившийся многими исследователями периода Перестройки и Новой России, показал высокую степень ангажированности исторического школьного образования прошлого, что обусловило поиск нового подхода, который тем не менее экспертами преимущественно связывался с государственным запросом и государственными интересами, так как образование оставалось государственным. Таким образом, идеи создания исторического школьного учебника и, в принципе, разворот государства в сторону институционализации исторической памяти стали ответом на запрос времени едва ли не в большей степени, чем следствием логического развития российской политической системы. Во многом развитие российской исторической политики соответствует и духу времени, так как и на Западе, и на Востоке в начале XXI в. прослеживаются аналогичные тенденции.

Вопрос 3. Чему может научить современный западный опыт?

Западный опыт для России во все времена, начиная с формирования государственности, всегда представлялся приоритетным, что во многом было обусловлено единством цивилизационного развития, языковой и культурной близостью, а также высоким уровнем технологических достижений западных стран. В связи с этим очевидно, что современная интерпретация форм, содержащих элементы исторической памяти в России, происходит в диалоге с зарубежными, прежде всего западными, политиками исторической памяти. Хотя в ряде случаев речь идет о прямом антагонизме российских и западных установок, в целом Европу можно рассматривать как важный пример интеграции и реализации интеграционной политики.

Европейский союз, как и Российская Федерация, движется по пути интеграции, в том числе через попытки унификации политики памяти, и здесь возникает вопрос о том, может ли западный опыт быть применим к российской действительности (если да, то каковы принципы его адаптации). Показательно, что в русле обобщения европейских ценностей и европейской культурной традиции вопрос унификации ставился многократно и по большому счету Европа после принятия Маастрихтского договора движется примерно по тому же пути, что и Россия, однако свои коррективы вносит степень децентрализации европейских государств.

Здесь следует обратить внимание на малоизвестный факт, в соответствии с которым в середине 2000-х гг. Германия инициировала создание единого европейского учебника истории в трех томах, первый из которых был посвящен истории Европы после 1945 г. Созданием учебника, опубликованного в 2007 г., занялась организация EUROCLIO (European Association of History Educators) по инициативе канцлера Германии Ангелы Меркель, причем в данный период Германия председательствовала в Европейском союзе, так что можно говорить о том, что это было консолидированное решение.

Исследования EUROCLIO еще в 1993-1995 гг. продемонстрировали, что национальный фокус преваляровал в курсах национальной истории в системах школьного образования всех

европейских государств. В связи с этим политика организации, в том числе при поддержке национальных правительств, оказалась сосредоточена на создании более открытого международного диалога по вопросам преподавания истории Европы в средней школе. Тем не менее чем сильнее развивался интеграционный процесс в Европе, в том числе в экономическом плане, тем более выраженными становились тенденции сохранения и защиты национальной истории в отдельных странах, что было выявлено в европейских исследованиях 2000-х гг.³. Повлиять на ситуацию в данный период старались различные международные организации, в том числе ЮНЕСКО, ОБСЕ, Совет Европы и Европейский Союз. Все они в этот период концентрируются на мероприятиях и семинарах, но не реализуют системного воздействия на европейскую общественность.

Начиная с 2006 г. Совет Европы приступил к разработке более долгосрочного подхода, который был основан на серии конкретных семинаров и симпозиумов, посвященных таким темам, как, например, «Изучение и преподавание истории Европы XX в.». Данные проекты носили интернациональный характер и были связаны с различными европейскими аналитическими центрами, в числе которых Институт международных исследований учебников в Германии, Международная издательская организация EEGP со штаб-квартирой в Дании, Центр демократии и примирения в Юго-Восточной Европе (CDRSEE), базирующийся в Салониках, и др. Проблема, с которой они столкнулись, была связана с необходимостью разработки наднационального учебника истории и справочников для школьников и преподавательского состава. При этом данный подход испытывал выраженное сопротивление со стороны Совета Европы, так как данный институт, представляя интересы многих стран-членов, по сути, транслировал и их опасения по поводу «универсализации вопреки желанию».

Фактически до 2007 г. были лишь частные региональные попытки создания подобных учебников, которые тем не менее оказались достаточно популярны. В их числе, например, работы «The history of the Baltic countries»⁴ и «The Black Sea. A history of interactions»⁵. Популярность данных работ во многом оказалась обусловлена их антисоветской направленностью и стремлением представить отдельные страны социалистического мира в качестве заложников советской системы, которые после своего освобождения стали полноценными членами европейской семьи. Тем не менее подобный подход мог быть характерен лишь для европейской периферии, в то время как интеграция Центральной Европы требовала иных, более совершенных решений, и здесь одним из наиболее знаковых шагов стала публикация учебника для старших классов по истории Европы после 1945 г. франко-германского производства⁶. В преамбуле к данной публикации авторы рассматривали данный учебник как основу для интеграции исторического образования на территории Европейского союза.

Тем не менее данной интеграции исторического образования в ЕС не произошло, в том числе из-за неготовности самих стран – членов ЕС принять новый взгляд на прошлое. Здесь особенно показательна реакция Великобритании на публикацию обозначенного учебника, представленная в издании *Telegraph*. Грэм Брэди, представитель *Тоу Европа*, назвал этот шаг бюрократическим мошенничеством и констатировал: «Преподавание собственной истории

---

³ См., например: Leeuw Roord J. A common textbook for Europe? Utopia or a crucial challenge? URL: http://culturahistorica.es/joke/textbook_for_europe.pdf

⁴ См.: Kiaupa Z. et al. *The history of the Baltic countries*. Tallinn: Avita, 1999. 222 p.

⁵ См.: Archibald Z.H. (ed.) *The Black Sea: a history of interactions*. Council of Europe, 2004. 144 p.

⁶ См.: *Histoire / Geschichte. Europa und die Welt seit 1945*. Leipzig: Ernst Klett Verlag, 2006. 336 S.

жизненно важно для любой нации, и особенно для Британии, которой есть чем гордиться... Мы ни при каких обстоятельствах не должны терять контроль над нашими обязанностями в сфере образования». Другая точка зрения оказалась еще более резкой. Так, Найджел Фараж, лидер Партии независимости Великобритании, спросил: «Действительно ли мы хотим, чтобы еврократы и политики промыли мозги нашим детям, чтобы они поверили в историю в стиле ЕС, где политики спасли день? Евро-история скажет нашим детям, что мир в Европе был сохранен ЕС и что Британия никогда не была мировой державой» [Waterfield..., www]. В контексте такой риторики даже действительно либеральные идеи, о которых, например, заявлял министр образования Франции Жиль де Робьен [Ibidem], оказались дискредитированы, несмотря на то, что полностью соответствовали духу и букве европейского закона.

Ни в 2007 г., ни позже, ситуация с европейским курсом истории не изменилась, хотя дискуссии продолжались. Так, одна из наиболее знаковых дискуссий состоялась в 2013 г. и констатировала, что общеевропейские учебники по истории для школ нереалистичны, но книги, основанные на том же наборе ценностей, были бы достойным внимания проектом [Kourapanis, www]. Данный тезис сопровождался различными громкими заявлениями, в том числе Глава Федерального института Германии по культуре и истории немцев в Восточной Европе Мартин Вебер выступил с предупреждением о том, что не следует впадать в китчевое чувство европейского примирения, так как если будет предпринята попытка создать единую книгу по европейской истории для школ всего блока, то возникнет столкновение национальных позиций, которое может расколоть Европейский союз. Вместо этого, с его точки зрения, необходимы обмен взглядами и диалог по европейским ценностям, а также независимые исследования, которые способны будут прирастить европейское историческое наследие [Ibidem].

Во многом данный подход нашел свое выражение и в развитии единой европейской политики в области образования и политики памяти, выраженной в программе «Европа для граждан 2014-2020 гг.» (Europe for Citizens' programme for the period 2014-2020), в которой присутствует четкий список исторических событий, требующих свободной популяризации в социальной и образовательной деятельности. Все события из перечня могут быть четко разделены на две группы – «позитивные» и «негативные», причем обе группы распределены по временному периоду равномерно, что призвано обеспечить системное воздействие на целевую аудиторию. Основной акцент всего блока событий связан с датами, важными для всей Европы, даже если они имели региональное выражение.

В целом, размышляя о европейском опыте организации образовательной политики в области исторической памяти, нельзя не отметить сходство практик с их российскими аналогами. Это и идея единого учебника, и попытки его написания, и протесты сильных региональных центров, и создание условного перечня событий, имеющих общее формирующее значение, и постоянная борьба тенденций к интеграции и дезинтеграции в вопросах сохранения исторической памяти. В итоге можно констатировать, что Европейский союз, как и современная Россия, стоит на пороге «нового исторического будущего» достижение которого невозможно обеспечить лишь путем сложения национальных историй и отдельных событий. То, каким может стать данное новое историческое будущее, зависит от новых решений и принципов организации политики памяти через компромисс и диалог.

Вопрос 4. Какие инновации сегодня стоят на повестке дня и какова вероятность их масштабного применения в реализации исторической политике России?

Развитие исторической политике в будущем сопряжено с реализацией по-своему инновационного подхода. Суть данного подхода можно представить как механизм создания

«большой истории». Данный термин вводится нами не случайно и обозначает синергетический эффект от создания широкого исторического контекста, который учитывает многочисленные фрагменты региональных исторических систем. Условно историю страны можно представить как огромную карту, любой фрагмент которой можно при необходимости увеличить, чтобы получить более детализированную информацию. Подобный эффект, на наш взгляд, оказывается возможным за счет, во-первых, комплексной государственной исторической политики, которая создает канву познания истории, во-вторых, мощных этнонациональных трендов на познание региональной и краевой истории, в-третьих, повсеместного распространения Интернета и средств массовой коммуникации, а также практик дистанционного образования, которые делают доступными для восприятия и использования отдельным человеком «больших данных» «большой национальной истории». В связи с этим показательны результаты обзора, проведенного в 2016 г. исследователями И.В. Святченко и Л.В. Алексеевой в работе «Региональная история в системе школьного исторического образования России: нормативные аспекты». Авторы данной статьи полагают, что уровень изучения региональной истории будет повышаться после введения в оборот Историко-культурного стандарта, который был обнародован в 2013 г. [Святченко, Алексеева, 2016, www].

Суть данного документа представлена в его преамбуле и фактически сводится к нескольким тезисам. Во-первых, речь идет об изменении подхода к изучению и познанию истории. В противовес фактологической истории дат, событий и цифр, которая в значительной степени присутствует и в современных учебниках, предполагается переход к комбинированной модели, которая напоминает реализацию принципа «большой истории». Речь идет о том, чтобы история воспринималась обучающимся не только через набор формализованных событий, но и через понимание «малых смыслов», связанных с бытом, нравами, моральными и правовыми установками конкретного периода и в конкретном регионе.

Во-вторых, документ констатирует переакцентуацию от материалистического подхода к комбинированному, который бы учитывал в том числе духовные и культурные ценности. Причина, по которой данный подход представляется необходимым, связана с крайне высоким материализмом учебников советского и постсоветского периода. Кроме того, здесь же присутствует и другой мощный образовательный вызов, который связан с материализмом современной западной культуры потребления [Гумницкий, 2011]. История, таким образом, как школьный предмет и как сфера познания должна показать более глубокое, духовное наполнение нашего мира.

В-третьих, Историко-культурный стандарт российского школьного образования предполагает интенсивное развитие «карты “большой истории”» через развитие этнокультурного компонента, который находит свое выражение во включении в образовательную практику информации об истории регионов. Историко-культурный стандарт перекликается с другими документами, в числе которых, например, Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)», которая, как и стандарт, ставит задачи по развитию в российском обществе этнической, культурной, религиозной и языковой толерантности.

В-четвертых, и в этом раскрывается технологический вопрос новой системы, учебник и учебная литература должны преодолеть свой ординарный классический статус. По мнению разработчиков Стандарта, учебник должен превратиться в своеобразный навигатор, деятельность которого сводится не столько к хранению информации, сколько к представлению путей ее поиска и соотнесения с использованием широких баз данных, расположенных в

системах облачного хранения. Характерно, что и дистанционно расположенная информация, существующая фактически безотносительно учебного процесса, должна быть представлена как работами по истории, так и копиями первоисточников, что необходимо для включения ученика в процесс поиска и анализа первичной исторической информации.

Очевидно, что все перечисленные направления развития исторического образования не могут быть эффективно реализованы без переподготовки учителей, которые, как и ученики, должны воспринять новый образовательный подход и, более того, отработать механизмы его интерпретации в контексте большого объема доступной для проведения занятий информации. Фактически можно сказать, что реализация нового Стандарта исторического образования неизбежно потребует возникновения в образовательной системе учителя и педагога нового поколения [Акульшин, Гребенкин, 2013].

Несмотря на то, что Историко-культурный стандарт был принят еще в 2013 г., процесс его реального внедрения и развития закрепленных в нем идей только начинается. Фактически это своеобразный план того, как историческое образование должно преобразиться в перспективе. Перспективы этого преобразования уже заложены законодательством, однако пройдет еще немало лет, прежде чем будет выстроена слаженная и реально функционирующая система больших данных в области исторического образования. До этого момента, очевидно, формирующаяся система потребует «ручной настройки и управления», которые с большой долей вероятности будут предполагать определенные сложности в реализации, прежде всего на региональном уровне.

Заключение

Резюмируя все вышеизложенное, можно констатировать, что сегодня в вопросах развития политики исторической памяти, в частности образовательных технологий, Россия идет по инновационному пути. Если раньше можно было говорить о том, что в стране существует централизованная модель исторического прошлого, которая транслируется сверху вниз и не всегда соответствует локальным представлениям народов страны об историческом прошлом, то в последние годы ситуация радикально меняется. Итог проводимой трансформации можно представить как полицентрическую систему представлений об истории страны, которая тем не менее развивается в русле парадигмы единой, или, как мы обозначили ее в статье, «большой» истории.

Эффективность данной трансформации сегодня нельзя оценивать однозначно, хотя ее концепция вполне сопоставима, к примеру, с европейской практикой развития единой системы исторического образования и сильно превосходит ее по уровню реализации. В то же время в перспективе развития системы можно будет говорить и о рисках сверхдецентрализации, которые, например, могут быть связаны с дисбалансом восприятия локальной и государственной истории на региональном уровне в пользу именно истории отдельных этнических групп.

Дополнительным, а во многом и основным фактором в данном случае является принадлежность к отдельным локалитетам специфических мест памяти, которые сохраняют региональную историю и способствуют развитию этноцентризма. В связи с этим одним из немногих решений становится возвышение статуса отдельных региональных мест памяти и выведение их на федеральный и даже мировой уровень с целью включения отдельных этнических групп в национальный и глобальный историко-культурно-религиозный диалог.

Как показало исследование, не менее важным фактором является и изменение мышления современного человека, и перевод его от исключительно материалистического мировоззрения к мировоззрению, комбинирующему материалистические и духовные элементы. Данное решение, несомненно, способно создать условия для диалога культур с различной степенью сакрализации мышления, создав в итоге различные образовательные и коммуникативные площадки, на которых сможет эффективно разворачиваться широкая социальная дискуссия. Несмотря на обозначенные перспективы, их достижение сопряжено с очень многими факторами, начиная от проработки национальной исторической политики и заканчивая энтузиазмом самого общества, которое выступает реципиентом. Но тем не менее, несмотря на результаты данного процесса, следует помнить, что коллективная память – это всегда разделенная память, которая никогда не станет единой, и для избегания конфликтов в будущем данный принцип должен соблюдаться.

Библиография

1. «Не освещен вовсе аппарат самодержавия...» URL: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html>
2. «Публичное вранье о прошлом – это порнография». Историк Карло Гинзбург – о «едином учебнике» и «новом пуританстве». URL: <https://meduza.io/amp/feature/2015/06/08/publichnoe-vranie-o-proshlom-eto-pornografiya>
3. Акульшин П.В., Гребенкин И.Н. Историко-культурный стандарт: концепция, рекомендации, содержание // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013. № 4. С. 7-15.
4. Гумницкий Г.Н. О понятии духовности // Философия и общество. 2011. № 3. С. 21-37.
5. Историко-культурный стандарт. URL: www.gimnasiya-evrika.ru/file/56.doc
6. Каким быть учебнику истории? URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2013/10/9k.html>
7. Кареев Н.И. О школьном преподавании истории. Петроград, 1917. 220 с.
8. Миронов Б.Н. Об этнической дискриминации в поздней имперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 164-185.
9. Президент: Учебники истории должны иметь единую концепцию. URL: <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html>
10. Святченко И.В., Алексеева Л.В. Региональная история в системе школьного исторического образования России: нормативные аспекты // Мир науки. 2016. Т. 4. № 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/19PDMN616.pdf>
11. Сингалевич С.П. О новых руководствах по методике истории. Казань, 1913.
12. Численность и размещение населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
13. Щербаква Е. Доля титульной национальности возрастает во всех странах СНГ, кроме России. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/barom02.php>
14. Kouparanis P. Is there a common European sense of history? URL: <https://www.dw.com/en/is-there-a-common-european-sense-of-history/a-17156793>
15. Waterfield B. Germans want EU history lessons. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1543509/Germans-want-EU-history-lessons.html>

From local history and sites of memory to the conception of "great history": Russian experience

Nikolai A. Medushevskii

Doctor of Political Science,
Associate Professor at the Department of the culture of peace and democracy,
Russian State Humanities University,
125993, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Nikolai A. Medushevskii

Abstract

Russia as a multinational modern country faces the problem of interethnic reconciliation and the development of dialogue between different ethnic groups. The article points out that the challenge of intercultural dialogue was formed throughout the entire post-Soviet history of the country, and it could only be overcome at the state level and only in the long term. In this regard, the author makes an attempt to identify the measures taken by the Russian state with a view to forming a new basis for the national historical and educational policy, which, in turn, is inextricably linked to the transformation of the national memory policy. First of all, Russia, like any politically consolidated sovereign state, claims to have created a unified historical conception, but cannot implement it due to the historical diversity of cultures. The second thesis is connected with the past of Russian historical politics, which was characterised by chronic problems that still matter today. The third issue lies somewhat away from the main analysis. It is connected with the European experience of historical politics – and here the author draws a parallel between the problems of the multi-part Russian Federation and the multi-part European Union. Finally, the last issue is related to the future of Russian historical politics and to the decisions that have been made over recent years and determined the vector of its further development.

For citation

Medushevskii N.A. (2019) Ot lokal'noi istorii i mest pamyati k kontseptsii “bol'shoi istorii” [From local history and sites of memory to the conception of “great history”: Russian experience]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (2A), pp. 15-26.

Keywords

Historical memory, memory policy, history teaching, history textbook, unified historical standard.

References

1. “*Ne osveshchen vovse apparat samoderzhaviya...*” [“The apparatus of autocracy is not covered at all...”]. Available at: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> [Accessed 08/04/2019].
2. “*Publichnoe vran'e o proshlom – eto pornografiya*”. *Istoriik Karlo Ginzburg – o “edinom uchebnike” i “novom puritanstve*” [“Public lies about the past are pornography”. Historian Carlo Ginzburg about the “common textbook” and “new puritanism”]. Available at: <https://meduza.io/amp/feature/2015/06/08/publichnoe-vranie-o-proshlom-eto-pornografiya> [Accessed 08/04/2019].
3. Akul'shin P.V., Grebenkin I.N. (2013) *Istoriko-kul'turnyi standart: kontseptsiya, rekomendatsii, sodержanie* [The historical and cultural standard: the conception, recommendations, content]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University], 4, pp. 7-15.
4. *Chislennost' i razmeshchenie naseleniya* [The population size and distribution]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm [Accessed 08/04/2019].
5. Gumnitskii G.N. (2011) O ponyatii dukhovnosti [On the concept of spirituality]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 3, pp. 21-37.
6. *Istoriko-kul'turnyi standart* [The historical and cultural standard]. Available at: www.gimnasiya-evrika.ru/file/56.doc [Accessed 08/04/2019].
7. *Kakim byt' uchebniku istorii?* [What shall be a history textbook?] Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2013/10/9k.html> [Accessed 08/04/2019].
8. Kareev N.I. (1917) *O shkol'nom prepodavanii istorii* [On teaching history at school]. Petrograd.
9. Kouparanis P. *Is there a common European sense of history?* Available at: <https://www.dw.com/en/is-there-a-common-european-sense-of-history/a-17156793> [Accessed 08/04/2019].

10. Mironov B.N. (2017) Ob etnicheskoi diskriminatsii v pozdneimperskoi Rossii [On ethnic discrimination in late imperial Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 2: History], 62 (1), pp. 164-185.
11. *Prezident: Uchebniki istorii dolzhny imet' edinuyu kontseptsiyu* [The president: History textbooks should have a single conception]. Available at: <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html> [Accessed 08/04/2019].
12. Shcherbakova E. *Dolya titul'noi natsional'nosti vozrastaet vo vseh stranakh SNG, krome Rossii* [The share of the titular nationality is increasing in all CIS countries, except Russia]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/barom02.php> [Accessed 08/04/2019].
13. Singalevich S.P. (1913) *O novykh rukovodstvakh po metodike istorii* [On new manuals on the technique for teaching history]. Kazan.
14. Svyatchenko I.V., Alekseeva L.V. (2016) *Regional'naya istoriya v sisteme shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya Rossii: normativnye aspekty* [Regional history in the system of historical school education in Russia: normative aspects]. *Mir nauki* [The world of science], 4 (6). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/19PDMN616.pdf> [Accessed 08/04/2019].
15. Waterfield B. *Germans want EU history lessons*. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1543509/Germans-want-EU-history-lessons.html> [Accessed 08/04/2019].